

Обломов

В начале сентября в Ульяновске в рамках очередного Обломовского фестиваля прошёл круглый стол «Обломов: pro et contra». Принявшие в нём участие филологи, журналисты, сотрудники музея И.А. Гончарова говорили о том, что любимый литературный персонаж Ивана Гончарова стал не только явлением мировой культуры, но и неким философским символом. Спорили, в чём заключается секрет неиссякаемого обаяния образа Ильи Ильича Обломова. Неужели в его любви к дивану? Или в очередной раз подтвердилась старая сентенция, что не бывает пророка в своём Отечестве?

Немецкому критику Р. Шрёдеру принадлежат, например, такие удивительные слова: «Ивана Гончарова давно похоронили, но его Обломов жив, более того, он никогда не был таким живым, как сегодня». Это — в Европе, где часть интеллектуалов рассматривает Обломова в качестве символа, еретика и диссидента, выражающего протест, уже в силу своего характера, против утилитарных тенденций в обществе. А у нас известие, что самый «лишний человек» русской литературы стал вдруг модным типом на родине Штольцев, вызывает до сих пор недоумение и удивление в обществе. И даже прекрасный фильм Н. Михалкова «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» ничего не может с этим поделать. Что, в общем, не удивительно, поскольку наша широкая публика до сих пор смотрит на Обломова добролюбовскими пристрастными и недобрыми глазами, и видит в нём лентяя и лежебоку.

Факт этот сам по себе свидетельствует о том, что есть неизвестный нашему обывателю Обломов. Для него всё ещё является секретом, что многие известные российские писатели и критики, которые «не хотели заслонять поэта от тех людей, которым он о поэте говорит», увидели у Гончарова совсем иное: «В Обломове поэт открыл нам свою связь с родиной и со

вчерашним днём, здесь и грёзы будущего, и горечь самосознания, и радость бытия, и проза жизни; здесь душа Гончарова в её личных, национальных и мировых элементах. Что он: обжора? ленивец? неженка? созерцатель? резонёр? Нет... он Обломов, результат долгого накопления разнородных впечатлений, мыслей, чувств, симпатий, сомнений и самоупрёков» (И.Ф. Анненский, 1892).

Конечно, гончароведы знают об Обломове всё или почти всё. Однако сегодня они как-то весьма «далеки от народа». Углубились в Обломовский лес, изучают веточки сирени, слушают, как звучит в нём *casta diva*, и нет им дела, ходит ли в этот лес кто-нибудь ещё. А с другой стороны, наша критическая мысль, за немногими исключениями, всё

Обломов

ещё не очень замечает сенсационный успех Обломова в Европе. Обращаясь к Гончарову, наши литературоведы как бы переносятся полностью в XIX век и остаются в нём. Возможно потому, что вопрос о сегодняшнем феномене Обломова сложнее, чем знаменитый добролюбовский: «Что такое обломовщина?»

Как известно, фигура Обломова, едва явившись в литературный мир, стала предметом острых споров. Сразу же заявили о себе и два взгляда на Обломова: добролюбовский и противоположный ему, представленный также многими известными именами, начиная с Дружинина. Сегодня их спор возобновляется, и феномен Обломова, несомненно, ему способствует, более того – он как бы накладывается на этот исторический дискурс и претендует в известной степени на роль арбитра.

В этой связи уже заметны два подхода к самому феномену Обломова, которые наследуют критические традиции XIX века. Один придерживается добролюбовской трактовки этого литературного образа, всё-таки Обломов – воплощение лени и апатии, но это и обратная сторона его доброты и кротости, и наша отличительная национальная черта, о которой мы всегда должны помнить. Она заложена, так

сказать, на генетическом уровне. В этом состоит феномен Обломова, поэтому он будет жить, пока жив русский народ, и гениальность Гончарова в том, что он сумел его выразить.

Другая точка зрения на Обломова также берёт начало в позапрошлом веке и настаивает на том, что Обломов – более сложный, собирательный национальный образ. За его ленью скрывается глубинный запрос «на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя» (Пришвин, 1921); он и не хочет, и не может, возможно, в силу своего «голубинового» характера, стать Штольцем, и выражает свой протест в оригинальной мягкой форме. Обломов совсем не обязательно и не всегда – ленивец, доказательством чему является сам Гончаров, который называл себя и принцем де Лень и умел при этом совместить карьеру чиновника и литературную деятельность. Очевидно, что такая точка зрения на Обломова ближе к пониманию его феномена, во всяком случае, именно она разделяется его западными почитателями.

Присутствует также желание объединить эти полярные взгляды на Обломова. Так, на Обломовском фестивале была представлена экспозиция с характерным названием «Обломов

в себе я подавляю, Обломова в себе я берегу».

На наш взгляд, возможен ещё один подход к Обломову. Он не оформился вполне, однако отдельные его фрагменты проскальзывают у ряда исследователей. Так, доктор филологических наук, профессор МГУ Валентин Недзвецкий считает, что «Гончаров блестящий мыслитель! Писатель искал идеал. У него нет ни одной сцены, которая не вела бы в глубь. И какую глубь! Обломов – это сложнейшая фигура, в которой запрограммированы начала Гамлета, Дон Кихота, мотив Фауста...». Юрий Лощиц замечает, что «сказочно-мифологическая подоплёка романного действия в «Обломове» настолько значительна, идеологически весома, что реалистический метод Гончарова так и хочется назвать здесь как-то по-особому: определить его как некий мифологический реализм. И что такое Обломовка, как не всеми забытый чудом уцелевший «блаженный уголок» – обломок Эдема?...».

Но в этом случае можно сделать и такой вывод: образ Обломова не является всецело «воплощением русского национального характера», а Россия – отнюдь не всегда и не во всём Обломовка. Здесь произошла ошибка, скорее всего непреднамеренная, такое понимание Обломова – результат стечения обстоятельств и борьбы мировоззрений в русской литературе и обществе в XIX веке.

И тогда Обломов занимает своё законное место в ряду таких героев мировой литературы как Дон Кихот и Дон Жуан, принц Гамлет и барон Мюнхгаузен, которые, являясь знаковыми национальными литературными персонажами, отнюдь не отождествляются с национальным характером. И это нисколько не умаляет ни талант Гончарова, ни его любимый персонаж.

Своим учителем Гончаров считал Пушкина, поэтому его Обломов можно найти и в пушкинских строках:

*Цветы, любовь, деревья,
праздность,
Поля. Я предан вам душой!*

Ни одно слово нельзя вынуть из этих строк, как нельзя свести и душу поэта и народа к одному из этих слов.

Виктор Каменев
Фото Татьяны Саушкиной